

Э. А. К. Васянский

ИММАНУИЛ КАНТ
В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ
ЖИЗНИ¹

С каждым днем моя привязанность к нему усиливалась. Разве какое-нибудь чуткое сердце не ощутит, сколь почетно исполнять роль поддержки для уважаемого старца, который столь мужественно и стойко несет бремя своего возраста? Кто не захотел бы помочь облегчить его? Для меня удобно было то, что с ним можно было поговорить уже в 5 часов утра. Если бы мои дела не позволяли навещать его обычно между 9 и 10 часами, то я бы делал это в более ранние утренние часы. Каждый день давал мне награду, потому что ежедневно я обнаруживал еще одну любезную грань его доброго сердца, ежедневно я получал новые подтверждения его доверия. Сколь различными ни были ситуации и отношения, в которых я имел возможность его наблюдать, я постоянно замечал в нем только неизменно большие достоинства наряду с лишь малыми недостатками.

Величие *Канта* как ученого и мыслителя всемирно известно, не мне его оценивать; но никто не имел возможности наблюдать тончайшие черты его скромного добродушия так, как я. Он умел тщательно скрывать от окружающих все, что могло послужить поводом похвалить его. Не каждому дано с готовностью принимать благонамеренные предложения от того, чье положение намного ниже его собственного, и твердо следовать им — а этот человек так делал. Ведь при своем великом уме, который хотя иной раз будто лишь тлел под слоем пепла, но столь же часто вспыхивал вновь ярким, даже ослепительным пламенем, в эти яркие мгновения он не считал себя непогрешимым.

---

¹ Продолжение. Начало см. в: *Кантовский сборник*. 2012. №1 (39). С. 55–61 ; № 2 (40). С. 65–78. Перевод с немецкого текста Э. А. К. Васянского осуществлен в рамках проекта «Центр переводов и межкультурной коммуникации» Федеральной программы развития БФУ им. И. Канта и выполнен по изданию: *Immanuel Kant: sein Leben in Darstellung von Zeitgenossen: Die Biogr. von L. E. Borowski, R. B. Jachmann und E. A. Ch. Wasianski / hrsg. von F. Gross; Neudr. der Ausg. Berlin 1912; mit einer neuen Einl. von R. Malter. Darmstadt, 1993. S. 191–271* (*Иммануил Кант. Его жизнь в описании современников. Биографии Л. Э. Боровского, Р. Б. Яхмана и Э. А. К. Васянского / под ред. Ф. Гросса; печ. по Берлинскому изданию 1912; вступ. ст. Р. Мальтера. Дармштадт, 1993. С. 191–271*).

мым, но больше использовал их для того, чтобы поблагодарить своего друга за его помощь и вновь заручиться сохраняющимися и все возрастающим по отношению к нему доверием. Как сильно выделяется в этом *Кант* из ряда обычных людей, многие из которых просят совета, но этому совету не следуют! Он был гораздо более последовательным и из двух альтернатив — самостоятельно и непоколебимо действовать на свое усмотрение, или, если он находил это нецелесообразным, безусловно следовать советам тех, кому он однажды доверился, — выбирал второе. Никогда он не нарушал своим вмешательством мой даже самый незначительный план и никогда не скрывал, что целиком предан мне. Это поведение, как и многочисленные положительные отзывы о моем образе действий, часто потом вгоняли меня в краску; и так как в этом случае *Кант* не желал дать мне пощады, я часто чувствовал, как это мучительно, когда доброты слишком много. То, что прежде было лишь сочетанием потребности и знакомства, все более превращалось, по правде говоря, в дружеское расположение. Скромность не позволяет подробно упоминать сердечные и почти ласковые словесные излияния, в которых оно проявлялось, но мою душу они впечатляли тем сильнее, чем яснее становилось, что этот прямой человек ничего не мог сказать иначе, чем как он это действительно чувствовал.

Кант заимствовал у Аристотеля блестящий парадокс: «Дорогие друзья, друзей не существует». Слову «друг» он, видимо, придавал здесь не обычный смысл, а подобный тому, который имеет словосочетание «Ваш покорный слуга» в конце письма или в обыденном приветствии. В этом я не был одного мнения с ним. У меня был один друг в полном смысле этого слова, и его ценность не позволяла мне согласиться с мнением *Канта*. Раньше *Кант* был самодостаточным и, так как болезни он знал только по названиям, не нуждался в друзьях. Теперь же, согнутый своей слабостью почти до земли, он осматривался в поисках поддержки, без которой он бы не смог обойтись. Поэтому, когда я, поймав момент, в который он настойчиво уверял меня в дружеском отношении с его стороны, выразил свое недоверие тому парадоксу, он был достаточно откровенным, чтобы признать, что теперь он со мной одного мнения и не считает дружбу пустой химерой.

Со всей своей деликатностью и тщательным уклонением от того, чтобы быть кому-либо в тягость, он по-прежнему настаивал на том, чтобы доверить мне все свои дела. Точно так же я, напротив, никогда не делал больше того, о чем он меня просил или что он мне доверял, а именно — предоставлять ему, даже без побуждения к этому, свои предложения по облегчению его состояния. В ноябре 1801 года он известил меня о своем желании полностью раздать все свое имущество и все, что могло иметь к нему какое-то отношение, и, как говорится, уйти на покой. Он напоминал мне об этом снова и снова. Вначале он просил меня об одолжении сосчитать все его деньги и рассортировать их по достоинству монет. Как я предполагаю, незадолго до этой просьбы произошел случай с деньгами, который привлек внимание *Канта*, но который он не мог для себя уяснить. Сначала он для выполнения своего поручения передал мне ключи, которые называл своей святыней, а сам ушел в другую комнату. Я был смущен этим новым знаком его доверия, так как для меня не было секретом, что в шкафу хранились бумаги о его накоплениях, содержание которых он держал в тайне. Вскоре он вернулся из своей комнаты и вручил мне памятную медаль, отчеканенную в его честь, а также дарственную к ней, чтобы обезопасить свою прислугу

от подозрения в краже после его смерти. От кого и по какому случаю он получил эту медаль, мне неизвестно. На каком основании предполагают, что это был подарок от еврейской общины за разъяснение трудных мест Талмуда, о которых он читал им лекции, мне непонятно. *Кант* и Талмуд кажутся мне, по меньшей мере, слишком разнородными вещами для того, чтобы их можно было каким-то образом сочетать друг с другом. Несмотря на торжественное заверение в своей доверии ко мне, которое он дал мне в этот час и которое, как доказал успех дела, он ко мне действительно питал, мне было нелегко взять на себя ответственность за что-либо важное для него, не обратившись за советом хотя бы к одному из его друзей. Я выбрал для этого в первую очередь г-на R. R. V.², отличавшегося обширными познаниями, благородным сердцем и большой скромностью. *Кант* ценил его исключительно высоко, а я в начальный период званых обедов у *Канта* долгое время раз в неделю встречался с ним за столом. Так как я упоминаю только начальные буквы его имени, позволю себе поместить сюда суждение самого *Канта* о нем, записанное в его небольшом дневнике в начале 80-го года его жизни: «Г-н Б., как в том, что касается настроения и образа мыслей, так и в его проницательности, умении дружить и вести дела – редкое явление». Этому человеку я давал для комментирования, проверки, улучшения и одобрения все свои наброски. Тем самым я мог отчасти оправдаться, предвидя возможные упреки в поспешных и самовольных действиях, перед самим собой и другими, отчасти показать всем реальность выигрыша для *Канта*, который проистекал из знакомства и дружбы с этим заслуживающим уважение человеком. Кроме того, *Кант* с еще большим доверием отнесся к моим предложениям, когда узнал, что я посоветовался об этом с г-ном R. R. V.

После того как *Кант* однажды передал все свои дела мне, он воздерживался, насколько возможно, от всех самостоятельных выплат, не делал ровным счетом ничего без моего совета или, по меньшей мере, без моего ведома. Низшая инстанция никогда не должна была быть обойдена, и решение нижней инстанции всегда получало подтверждение высшей.

Первое время после передачи ключей я потратил на то, чтобы вникнуть в дела и документы *Канта*. Из последних осталось только то, что касалось его денежных накоплений. О них он мне поведал, добавив: хотя он все это честно заработал, объема их никто не знает, кроме того, кто взял их на хранение под проценты. Он пожелал, чтобы сумму знал только я, да и то храня ее в тайне. Позднее он разрешил мне сообщить все сведения г-ну R. R. V., так как того требовали наступившие обстоятельства, о которых я должен был с ним посоветоваться. Остальные его научные работы и бумаги приняли на хранение двое ученых, ныне еще живущие. Научной переписки не было ни одного листа. О его незаконченных рукописях будет упомянуто ниже.

О некоторых вещах, необходимых для моих заметок, и о семейной хронике я справлялся у него, и он всегда с большой подробностью и ничего не утаивая делился ими.

---

² Имеется ввиду Regierungsrat Johann Friedrich Vigilantius (Иоганн Фридрих Вигилантиус, 1757–1823), юрист, правительственный советник (старший государственный чиновник), один из сотрапезников *Канта* и его советник по юридическим вопросам. Слушал лекции *Канта* по различным дисциплинам в 1790-х годах и впоследствии подготовил к публикации свои конспекты. — *Примеч. пер.*

Для начала я считал необходимым переложить его деньги в другое место и в другой шкаф, в опечатанных и подписанных мешках. В оправдание этой меры позволю себе прервать повествование. Согласно завещанию, средства *Канта* в 1798 году составляли 42930 гульденов, или 14310 талеров, не считая стоимости его дома и мебели. С тех пор его доходы от писательской деятельности и чтения лекций были незначительными, потому что он теперь не занимался ни творчеством, ни чтением лекций. Поступивший капитал в 10000 талеров и состоявший на $\frac{1}{6}$ из гульденов, был дан в займы всего лишь под 5%. Это обеспечивало ежегодно прибыль в 100 талеров к его доходам. Еще более 200 талеров в год он направлял в поддержку своих родственников, и с возрастанием его слабости эти отчисления увеличивались. Еще 40 талеров получал от него Лампе, уже после увольнения. И тем не менее к моменту смерти наличных денег у *Канта* было 17000 талеров. Суммы для выплат и приложенная записка, в которой был отмечен их размер, лежали, в готовности для его текущих расходов, в бюро, где раньше хранились все его наличные деньги. Я пересчитывал их как минимум дважды в неделю и сравнивал их остаток с возможными выплатами, которые Кант, теперь только в крайних случаях, осуществлял сам. Думаю, я не ошибаюсь в том, что с помощью этой меры удалось кое-что сберечь. Ключи от этих двух мест хранения денег *Кант* держал при себе. Я брал их лишь для ведения расходов и, как только выплачиваемая сумма бывала списана с общего счета, возвращал их ему. Когда однажды в мое отсутствие потребовалось выплатить сумму больше той, которая хранилась в его бюро, *Кант* не стал оправдывать худшие опасения его слуги, не воспользовался ключом от своего основного денежного запаса, чтобы взять из него недостающую сумму, и отсрочил весь платеж до моего прихода, дабы не мешать моим делам. Эта ситуация отчетливо показывает человека твердых принципов и изощренного образа мыслей, она подала мне успокаивающие надежды на будущее и усилила мою глубокую уверенность в том, что, даже когда он будет еще слабее, я могу не опасаться унижительных обвинений и обид с его стороны. Даже наоборот: другие случаи также показали, как расчетливо и дальновидно он умел оценивать каждое одолжение, которое требовало каких-либо небольших жертв.

Во время моих ежедневных визитов к нему, естественно, часто бывала плохая погода. И он не обходил вниманием то, что я на это никогда не жаловался. Напротив, он замечал, что, когда я приходил к нему насквозь промокший под дождем или ооченевший от холода, то пытался либо уничтожить, либо скрыть следы непогоды перед входом в его комнату. В каждый мой приход он предлагал мне независимо от погоды пользоваться каретой за его счет. Хотя я ни разу не воспользовался этим предложением, его, как доказательство учтивости и признательности *Канта*, нельзя обойти молчанием.

Как раз эта его благородная благодарность уводит меня в рассказе о его домашнем порядке от того, чтобы прямо идти за нитью повествования. Из-за этого я совершаю небольшие экскурсии в некоторые черты прежней жизни *Канта*. Оказанные ему благодеяния вплоть до глубокой старости оставались для его благородной души незабвенными, а память о благодеяниях — священной. Он всегда делал то, что велел ему долг, и поэтому чувство сожаления о неисполненном долге было ему чуждо. Но одно исключение, достойное больше похвалы, чем порицания, имело место. Он очень со-

жалел о том, что вплоть до времени своего бессилия откладывал воздвижение в своих сочинениях памятника, так он это называл, достойному большого уважения *Францу Альберту Шульцу*, доктору теологии, пастору в Альтштадте и одновременно директору *Kollegium Fridericianum*³. Этот большой знаток людей первым обнаружил у *Канта* значительные и редкие дарования и извлек на свет незаметного доселе гения, который без его участия, вероятно, зачах бы. *Кант* обязан ему тем, кем он стал, а ученый мир — плодами развития *Канта*. *Шульц* уговорил родителей *Канта*, чтобы они отдали своего сына учиться, и поддерживал его таким способом, который не уязвлял самолюбие *Канта* и его родителей, так как от прямой финансовой поддержки они уклонялись. Он снабжал родителей *Канта* дровами, которые им привозили обычно внезапно и даром. Здесь стоит упомянуть, что говорил мне сам *Кант* о финансовом положении своих родителей, о которых ходят столь противоречивые слухи. Его родители были не богатыми, но и никак не настолько бедными, чтобы испытывать нужду; намного менее бедными, чем настолько, чтобы их угнетали лишения и забота о пропитании. Они зарабатывали столько, сколько требовалось для домашнего хозяйства и воспитания детей. Несмотря на это, *Канту* запомнилась всякая, даже не такая уж значительная для того времени, помощь и мягкая деликатность, с которой *Шульц* предоставлял ее ему и его родителям, когда *Кант* был студентом. Он хвалил благородный характер *Шульца*, который он познал уже в доме своих родителей, куда тот часто приходил, и очень растроганно благодарил его за наставление родителям быть внимательными к талантам их сына и способствовать его развитию.

С большим оживлением и с чувством искреннего уважения и детской нежности *Кант* вспоминал о своей матери. Эти воспоминания я привожу по двум источникам: частично как рассказывал мне сам *Кант* в часы доверительных бесед о семейных делах, опуская обстоятельства, упоминать которые не позволяла его скромность, и частично из того, что добавила его сестра, ныне еще живущая, которой больше, чем ему самому, подобает рассказывать об обстоятельствах, ставших для *Канта* предметом восхищения. По словам *Канта*, его мать от природы была женщиной большого ума, который она передала сыну в наследство, большого сердца и подлинной, нисколько не фанатичной религиозности. С глубочайшей признательностью *Кант* благодарил ее за первые кирпичики в основании своего характера и первоосновы того, кем он позже стал. Она и собственные способности не растеряла и обладала образованием, которое, по-видимому, дала себе сама. Она писала, насколько можно судить по сообщению для семейной хроники, написанному ее рукой, орфографически довольно правильно. Для ее времени и положения это было большим достоинством и встречалось редко. Пробужденная указаниями *Шульца*, она и сама вскоре заметила большие способности сына, которые, конечно же, пленили ее материнское сердце и склоняли к тому, чтобы употребить на его воспитание всю заботливость, которая только возможна. Так как она была женщиной абсолютно честной, ее супруг — человеком добропорядочным и оба были защитниками истины, так как с их уст не сошла ни одна ложь, никакое непонимание не нарушало домашнего единодушия, наконец, поскольку никакие

---

³ Известная как Фридрихсколлегиум престижная гимназия, в которой учился Кант. — Примеч. пер.

взаимные упреки в присутствии детей не ослабляли уважение последних к благонамеренным родителям, весь этот хороший пример очень благотворно влиял на характер *Канта*. Поэтому дело дальнейшего самообразования не было у него осложнено никакими ошибками в изначальном воспитании, которые часто невозможно бесследно устранить. Его мать довольно рано осознала свой долг: в делах воспитания она умела сочетать приятное с полезным, часто выходила со своим Мануилчиком⁴ (по-матерински ласково исковерканное имя Иммануил, которым отмечен в календаре день его рождения, 22 апреля) гулять, обращала его внимание на предметы и некоторые явления природы, знакомила его с некоторыми полезными растениями, даже рассказала ему о строении неба все, что знала сама, и дивилась его сообразительности и остроте его ума. На некоторые вопросы своего сына она, однако, впоследствии часто затруднялась ответить. Но кто бы не стал охотно желать себе такие затруднения? Когда *Кант* начал ходить в школу, и еще больше когда он учился в университете, эти продолжавшиеся прогулки приняли иной вид: то, что для нее было непонятным, мог объяснить ее сын. Так открылся двойной источник радости для этой счастливой матери: она получала новые, доселе неведомые ей объяснения, к которым всегда так тянулась; она получала их от своего сына — и это были одновременно свидетельства его скорых успехов, необыкновенно проявлявшие ее надежды на будущее. Наверное, материнские ожидания успехов от своих детей, которые обычно очень легко заходят слишком далеко, в ее случае не дошли даже до тех пунктов, которые *Кант* потом превзошел, но до времени прохождения которых она уже не дожила. Скорбь *Канта* о ее смерти была преисполнена любви и нежности со стороны благонаправленного и благодарного сына, и в последние годы своей жизни он все еще глубоко печалился об этой, такой ранней для него, потере каждый раз, когда рассказывал об обстоятельствах, его сформировавших. Одно из них, весьма необычное, особенно сильно повлияло на него. У матери *Канта* была одна очень любимая ею подруга. Она любила одного мужчину, которому подарила все свое сердце, не потеряв, однако, своих чести и достоинства. Несмотря на обещание жениться, он изменил ей и вскоре обручился с другой. В итоге боль и грусть повергли обманутую девушку в сильную смертельную лихорадку. Принимать выписанные ей лечебные средства она отказывалась. Подруга, которая заботилась о ней на смертном одре, подносила ей наполненную ложку. Больная отказывалась от лекарства, а в оправдание говорила, что у него отвратительный вкус. Мать *Канта* не придумала для переубеждения ее ничего лучше, чем самой принять из ложки это лекарство, которое та уже попробовала. Но отвращение и дрожь охватили ее в то мгновение, когда она это сделала. И то и другое усилились воображением, а тут вдобавок она заметила пятнышки на теле своей подруги, которые приняла за петиции, так что сию же секунду заявила: этот поступок принесет ей смерть, она сляжет в тот же день и вскоре падет жертвой дружбы.

Сколь признателен был *Кант* своим умершим друзьям за их благодеяния, столь же справедлив он был в оценке остальных людей, которые его окружали. Он ни о ком не говорил плохо. Разговоров, которые касались тяжелых человеческих пороков, он старался избегать, как будто упоминание о плохих поступках нарушало гармонию в общении добропорядочных лю-

---

⁴ Нем. досл. Manelchen. — Примеч. пер.

дей. Менее тяжкие наказуемые преступления и нарушения долга казались ему по меньшей мере недостойным предметом для разговора, и он вскоре переводил его на предметы достойные. Каждой заслуге он стремился воздать должное и пытался помочь людям с заслугами в приеме на работу, но так, чтобы они об этом не знали. В нем не было ни следа соперничества и тем более зависти. Он старался помочь начинающим и способствовать их продвижению. С большим уважением он отзывался о своих коллегах. Очень сильно он интересовался текущими жизненными обстоятельствами г-на Н. Р. С., выпрашивая о них друга его семьи, который еженедельно у *Канта* обедал. Очень лестный отзыв как о большом знатоке людей *Кант* оставил о другом своем сотруднике, который к тому же был одним из лучших его слушателей и хотя не создал многочисленных сочинений, зато проявил свою ученость как неутомимый лектор и весьма способствовал распространению полезных знаний в очень многих областях. А именно, *Кант* уверял, что в своей многолетней практике изучения человека он не встречал более пронизательного ума, более значимого гения, чем этот. Вдобавок *Кант* утверждал, что тот может проникнуть в самую глубину любой науки, что он может освоить все, что человеческий разум смог постичь, и что не каждый смог бы сделать это с той же скоростью и легкостью. Он ставил его в один ряд с Кеплером, о котором говорил, что тот, насколько он может судить, является наиболее пронизательным мыслителем из всех когда-либо рожденных. Многих своих коллег он завлекал к себе на обед и каждого умел оценить по достоинству. Эта его всеобщая доброжелательность по отношению к людям не позволяла ему неуважительно думать или говорить о каком-либо сословии. Презрение вызывали в нем недостойные члены любого сословия, однако он редко говорил о них вслух.

Теперь, после этого отступления, я вновь продолжу следовать прерванной нити повествования о домашней жизни *Канта*. Он показывал мне несколько ранних набросков своего завещания, самостоятельно им составленного. Исполнителем в них назначался то один, то другой его сотрапезник, их имена неоднократно зачеркивались, и в итоге там осталось одно лишь мое имя. При этом он заявил, что теперь уже не помнит, действительно ли он назначил исполнителя своего завещания, и тем более не помнит, кого именно, но что он желает, чтобы это дело после его смерти взял на себя я. Я согласился при условии, что если окажется, что в официальном завещании указан его исполнитель и вознаграждение за его труды, то пусть он получит его. *Кант* нашел это предложение справедливым и в 1801 году передал депутатам академического сената дополнение к своему завещанию, исполнителем которого он назначил меня, наделив, по подсказке своих друзей-юристов, с которыми он предварительно посоветовался, максимально возможными согласно местным законам полномочиями. За день до этого он был несколько обеспокоен тем, как бы не допустить в данной ситуации, чтобы я чего-то недополучил. Он попросил меня присутствовать при этом акте передачи, так как уже привык, что я рядом с ним во всех его делах, но выслушал мое объяснение, что это недопустимо, и согласился, чтобы его сопровождал другой сотрапезник. Когда после прошедшего действия я у него обедал, он с бокалом вина поднял тост: «За то, что сегодня все прошло хорошо, — и добавил, шутливо улыбаясь: — без спектакля». Он много и радостно говорил о свершившемся только что событии, но настолько завуалированно, что второй гость не понимал, о чем речь. Эта манера иносказательно выражаться в присутствии постороннего была в ос-

тальном *Канту* не свойственна, и только в тот день он позволил себе такое исключение. Я не давал *Канту* официального обещания делать для него что-либо подобное. Он был слишком стеснительным для того, чтобы от меня это требовать, а я слишком осторожным, чтобы со всей определенностью на это решиться, потому что невозможно было предвидеть всех преград на пути осуществления этого. Мы почти согласились друг с другом без предварительного уговора, и каждая сторона знала, что ей следует ожидать от другой. Если бы утрата сил *Канта* пошла в таком направлении, что свободный человек совершенно не смог бы переносить его возможное обращение и проявления его плохого настроения, то в возможности отступить на достаточное расстояние я не был связан никаким обещанием. С чистым сердцем признаюсь, что я испытывал сомнение. При его тогдашней слабости я не мог быть полностью уверен, что он, находясь под ее воздействием, своим приказом не сведет на нет все мои благие распоряжения, например, относительно его прислуги. А из-за своей мягкости он мог бы даже принять сторону прислуги в ее недозволенных и наносящих ему вред притязаниях и тем самым скомпрометировать меня. Но признаюсь, что, думая так, я поступал по отношению к нему несправедливо, ведь я был слишком слаб, чтобы понять его истинное величие. Поэтому, когда по причине наступившей близорукости он иногда путал меня со своим слугой и обращался ко мне таким тоном, каким привык обращаться к нему, каждый раз, обнаруживая свою ошибку, он приходил в стыдливое смущение. По нему было видно, что ему хотелось объяснить, что его слова были обращены не ко мне, а на самом деле к его слуге. Поэтому я старался, насколько мог, не говорить ему, что замечаю эту путаницу. А когда это не удавалось, то его извинения были для меня мучительными и гнетущими.

(Продолжение следует)

Перевод А. С. Зильбера, под ред. И. Д. Копцева

О переводчиках

Зильбер Андрей Сергеевич — ст. преп. кафедры философии и культурологии Калининградского государственного технического университета, a-zilb@ya.ru

Копцев Иван Демьянович — д-р филол. наук, профессор кафедры теории языка и межкультурной коммуникации БФУ им. И. Канта, ivan.kopcev@mail.ru

About translators

Andrey Zilber — senior teacher, Department of Philosophy and Culturology, Kaliningrad State Technical University, a-zilb@ya.ru

Prof. *Ivan Koptsev*, Department of Language Theory and Cross-Cultural Communication, Immanuel Kant Baltic Federal University, ivan.kopcev@mail.ru